

УДК 351.74:94(470.11)

Т.М. Димони

Вологодский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ВОЕННОЙ УГРОЗЫ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00554
«Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке
(на материалах Европейского Севера)»*

В статье описано изменение функций Архангельской полиции в предвоенных и военных условиях. Спецификой Архангельской губернии была ее приграничность и наличие порта, через который в военных условиях шел большой грузопоток. Полиция, кроме решения обычных задач по охране общественного порядка, отслеживала деятельность иностранных граждан на территории губернии, следила за выполнением сухого закона, предотвращала панические настроения.

Полиция, Архангельская губерния, Первая мировая война, безопасность государства.

Накануне Первой мировой войны, а тем более после ее начала, деятельность полиции усложнялась в связи с необходимостью учитывать интересы обороноспособности и безопасности государства. Особенно актуальна эта задача была в приграничных регионах, в том числе и Архангельской губернии.

В 1907 г. министерство внутренних дел Архангельского губернатора обратилось к министру внутренних дел Российской империи по поводу особенностей территории Архангельской губернии и необходимости усиления ее охраны. В частности, Александровский уезд Архангельской губернии граничил с Норвегией и занимал весь Лапландский полуостров площадью 130 210 кв. верст. В административно-полицейском отношении он был разделен на два стана. Первый стан имел центр в г. Коле, состоял из Колско-Лопарской и Мурманско-Колонистской волостей, второй – имел центр в с. Кузомени и распространялся на южном берегу полуострова – охватывал Кузоменскую, Тетренскую, Понойскую и Умбскую волости¹. И первый и второй стан имели границы с Норвегией, второй стан – еще и с Финляндией. Кроме огромной территории, Александровский уезд отличался трудностями транспортного сообщения. Летом сообщение осуществлялось водным путем (на ёлах, на карбасах и очень редко – паромом), зимой – на оленях. Кроме того, население стана, кроме русских, состояло «из разных инородцев – корел, зырян, лопарей, финнов и норвежцев-колонистов», говоривших на своих языках и резко отличающихся в культурном и экономиче-

ском отношении². В записке министерства внутренних дел Архангельского губернатора обращалось внимание на «бродячий образ жизни инородцев-оленеводов – лопарей и зырян, кочующих со своими стадами по тундрам и болотам Лапландии и возвращающихся на свои зимние «погосты» лишь на 3-4 зимних месяца», резкое (на 3-4 тысячи человек) увеличение населения в период промыслового времени на Мурманском побережье. Сами же обязанности полиции здесь были шире, на нее был возложен также таможенный надзор, «принятие мер к предупреждению и пресечению привоза из-за границы запрещенных товаров и иностранных спиртных напитков, наблюдение за недопущением норвежцев к занятию промыслами в русских территориальных водах, строгий надзор за разными выходцами из-за границы, проверка их документов и пр.»³. Министерство внутренних дел Архангельского губернатора предлагало дополнительно организовать третий стан полиции около Норвежской границы с центром в с. Печенга.

Граница, действительно, была слабым местом. В 1906 г. на территории Финляндии был образован «Союз беломорских карел», основателями которого были карельские купцы, проживавшие в Финляндии и представители финской интеллигенции. В задачи союза входило усиление финского влияния в карельских землях, главным образом в Архангельской или по финской терминологии Беломорской Карелии (так называемая панфинская пропаганда). С самого начала

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 1.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 2.

³ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 3.

с панфинской пропагандой началась активная борьба, в том числе по полицейской линии (недопущение пропагандистов в Карелию, изъятие распространяемых ими изданий и т.п.) [11]. Так, в 1911 г. Олонецкий уездный исправник рапортовал Архангельскому губернатору о пересечении границы несколькими семьями учителей (6 человек) из г. Гельсинфорса у финской границы. Эти группы проследовали в Кемский уезд Архангельской губернии. Они распространяли финские книги и брошюры среди крестьян, вели панфинскую пропаганду среди местного карельского населения⁴. Всех обнаруженных агитаторов выдворяли из края, а их сподвижников-карел арестовывали. Энергичные полицейские меры дали результат – к 1913–1914 гг. панфинская пропаганда в виде проникновения пропагандистских групп практически прекратилась [11].

Задачи увеличения кадров полиции решались властями Архангельска и накануне Первой мировой войны. В январе 1914 г. Архангельский губернатор обратился к министру внутренних дел с ходатайством об учреждении дополнительно к 84 должностям конных и 127 пеших стражников еще 99 должностей стражников (33 конных и 66 пеших)⁵. Основания просьбы состояли в географическом положении Архангельской губернии, ее населенности и других условиях. Рассмотрев ходатайство, товарищ министра внутренних дел генерал-майор Джунковский признал возможным за счет уменьшения состава стражи Самарской губернии увеличить состав полицейской стражи в Архангельской губернии на 50 должностей пеших стражников⁶.

В годы Первой мировой войны Архангельск становится единственным открытым портом в Европейской России. К осени 1914 г., когда Турция вступила в войну на стороне германского блока, а Чёрное и Балтийское моря превратились в зоны активных боевых действий, судоходство по ним, ранее более-менее безопасное, стало невозможным. Особенно важное значение Архангельский порт приобретал как пункт получения военно-технического имущества для войск от союзных держав, а также сырья и оборудования для промышленности [6]. В Архангельске началась перестройка всего портового хозяйства на военный лад. В конце 1914 г. начала строиться «Бакарица» – новый район порта, который скоро превратился в основную базу по обработке военных грузов. В 1915–1916 гг. для продления навигации в зимнее время был построен аванпорт «Экономия». Тогда же около железнодорожной станции «Архангельск-пристань» был оборудован новый район порта – «Левый берег». За 1913–1916 гг. грузооборот Архангельского порта достиг небывалых размеров. Если в 1913 г. через его пристани проходило 4610 тыс. пудов грузов, то в 1916 г. – 37 699 тыс. пудов [12, с. 210]. В 1915 г. в Архангельский порт прибыло 758 судов вместимостью 938 886 регистровых тонн [12, с. 219].

Увеличение нагрузки на Архангельский порт потребовало строительства соответствующей инфра-

структуры, в том числе увеличения сети и ширины железнодорожных путей. С точки зрения полицейских функций эта задача была связана с необходимостью следить за увеличившимся числом населения, занятого постройкой и реконструкцией железнодорожного полотна. Так, с 1915 г. в Александровском и Кемском уездах Архангельской губернии производилась постройка двух железнодорожных линий. По мнению полиции, это обстоятельство вызывало усиленный приток «всевозможного элемента» в Архангельскую губернию. Так, Архангельское губернское правление в 1916 г. сообщало в министерство внутренних дел Российской империи: «Огромное количество военнопленных и вольнонаемных рабочих были привлечены на постройку железных дорог, большие партии пришлых рабочих были сосредоточены в разных местностях, работая по перевозке грузов. В Шенкурском и Пинежском уездах были водворены на жительство в качестве военнообязанных подданные неприятельских держав, высланные из разных губерний и снятые с пароходов. Кроме того, население губернии увеличилось за счет военных властей, командированных членов таможенного ведомства, служащих из вновь открывшихся коммерческих контор и отделений банков, а также прибывших из различных местностей беженцев». Поэтому в докладной записке Архангельского губернатора министру внутренних дел, подготовленной в мае 1916 г., ставился вопрос об увеличении штата чинов уездной полицейской стражи в губернии. Губернатор писал, что особое положение губернии требует усиленного состава полиции вообще, в том числе полицейской стражи, которую за различными надобностями приходится перебрасывать на далекие расстояния из уезда в уезд, оставляя обслуживаемый ими район без должного наблюдения. Так, в мае 1916 г. 15 стражников Архангельского уезда находились в командировке в Кемском уезде около железнодорожной линии. Большая часть стражников из Шенкурского, Пинежского и Мезенского уездов были стянуты в Архангельск, где, по требованию военных властей принимали участие в охране различных грузов в местности Бакарица, на Биржевой ветке и на ст. Архангельск-пристань Северных железных дорог, конвоировали военные грузы на железную дорогу из местности «Экономия», находившейся в 25 верстах от Архангельска, охраняли казенный винный спирт на Биржевой ветке железной дороги, а также при различных перевозках его на склад, на пароходы и т.д. Губернатор отмечал, что по требованию главноначальствующего г. Архангельска и района Белого моря необходимо было предоставить стражников для усиления местности Бакарица. В связи с этим губернатор просил существующий состав стражи из 84 конных и 177 пеших стражников увеличить на 49 стражников (16 пеших и 33 конных)⁷.

С началом военных действий важной задачей полиции становилось пресечение распространения панических слухов и настроений [4]. Так, в 1915 г. полицией Архангельска разбирались несколько ситуаций, связанных с аптекарем Лапиным (г. Онега).

⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 110. Л. 1.

⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 5

⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 6.

⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 6–8.

Суда на Двине, 1914–1918 гг.

Встреча беженцев на железнодорожном вокзале Архангельска, 1915 г.

По свидетельству полиции, последний был известен «как человек неуживчивый, склонный к интригам и клязам и весьма отрицательных нравственных качеств». Ранее против Лапина возбуждалось уголовное дело за оскорбление онежского ветеринарного врача Малявкина и по ст. 940 Уложения о наказаниях Онежским полицейским надзирателем Варфоломеевым. В 1915 г. полицией было произведено дознание о продаже Лапиным из аптеки без рецепта врачей вина и спирта, а также сильнодействующих средств. Спирт аптекарь получал ведрами через Онежское управление Красного Креста, что обходилось довольно дешево (3 руб. за ведро). С похожими проблемами полиция сталкивалась и в других регионах Европейского Севера России [3]. Во время проведения расследования по делу Лапина был установлен также факт

отказа принимать как оплату за лекарства бумажные деньги по их действительной стоимости. О последнем случае рассказала приказчица магазина Онежского товарищества и К Ираида Бакина. По ее словам, в октябре 1915 г. в магазин приходила некая крестьянка, жаловавшаяся на отказ Лапина принять к уплате за лекарство бумажный рубль⁸. Разбиравший этот случай помощник Онежского уездного исправника доложил уряднику 3 участка Онежского уезда, что Лапин говорил: «Наш бумажный рубль за границей стоит только 60 коп., а он предложил ей принять бумажный рубль за 90 коп.»⁹. Однако доказать эти разговоры и

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 66–68.

⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 95.

действия оказалось непросто, все проверки показали относительную добросовестность аптекаря.

Первой мировой войне предшествовала длительная подготовка, в том числе в форме разведывательных действий. Немецкая разведка, едва ли не единственная из всех разведок европейских государств, пыталась насадить массовую агентуру в пограничных районах и военных центрах своих будущих противников. В общей системе шпионажа в России на первом плане стоял шпионаж с помощью различных торгово-промышленных фирм, добровольных обществ и пр. [10]. Часть этих фирм была замаскированными филиалами немецкой разведки и действовала на специально отпускавшиеся им средства из секретных фондов [5].

Российская империя противодействовала этим планам Германии. Еще 5 июля 1912 года в России был принят закон о шпионстве, под которым понималось способствование иностранному государству по сбору сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России, ее вооруженных сил или сооружений, предназначенных для защиты страны [7]. Особенно активно этот закон стали применять с началом Первой мировой войны. По мнению историков, в воюющих странах, в том числе и в России, разразилась настоящая шпиономания [8].

Подозрения по поводу шпионской деятельности бывших германских подданных имелись и у архангельской полиции. В январе 1916 г. архангельский полицмейстер докладывал в губернское правление о деятельности потомственного почетного гражданина Эмиля Карлова Бойтигама, бывшего германского подданного. Э. Бойтигам родился в 1863 г. в г. Мемель, прибыл в Архангельск в 1883 г., вступил в русское подданство в 1889 г. Служил в Архангельске управляющим конторой товарищества «Сурков-Шергольд»¹⁰. Бойтигам владел домом в Архангельске, имением в Ковенской губернии. Имел брата, служащего представителем пароходства в Гамбурге¹¹. Владелец фирмы «Сурков-Шергольд» Альберт Юльевич Сурков также имел прусские корни, фамилия Шергольд принадлежала семье его жены Лидии – дочери бельгийского и английского консула в Архангельске. Фирма занималась крупной деятельностью по лесозаготовкам и лесобработке, винокурением производством и др. [9]. Полицейстер Архангельска сообщал, что Бойтигам «ярый германofil, он подозревался в шпионстве в пользу Германии, почему у него в 1915 г. были произведены пять обысков»¹². Полиция подозревала, что на пивоваренном заводе Суркова, которым заведовал Бойтигам, был устроен радиотелеграф. По мнению полицмейстера, устроителями телеграфа могли быть Бойтигам и пивовар Пауль. По просьбе полицмейстера Архангельска из Петрограда был командирован ротмистр отдельного корпуса жандармов и подполковник политехнического отдела, которые производили обыск как в квартире Бойтигама, так и на заводе Суркова. Полиция установила, что Бойтигам «без ведома и разрешения местного технического надзора» провел электрические провода с завода Сур-

кова в свою квартиру, а также к этим проводам «через посредство находящейся на заводе динамо машины» можно было в любом месте приспособить радиотелеграфный аппарат небольшой мощности (150–200 верст). Кроме того, при обыске в несгораемой кассе, которой заведовал Бойтигам, были найдены золотые вещи и документы, принадлежавшие германским подданным Бальквицу и Фишеру, и германский паспорт самого Бойтигама, оставшийся с того времени, как он был германским подданным¹³. Кроме того, в шкафу была обнаружена деловая переписка Э. Фишера и О. Бальквица, причем последний состоял доверенным от фирмы «Вальдгоф», являвшейся германской шпионской организацией¹⁴. Однако при просмотре переписки полиция констатировала, что «изобличающих данных добыто не было»¹⁵. Полицейстер В. Едлинский высказывал мнение, что Бойтигам – немецкий патриот, предан своему отечеству, а имение Геграны в Ковенской губернии им было приобретено на одинаковых условиях со всеми приграничными именьями, т.е. на деньги германского правительства¹⁶.

И хотя изобличающих фактов добыто не было, губернатор Архангельска обратился с просьбой к Главноначальствующему г. Архангельск и района Белого моря воспретить Бойтигаму жительство в г. Архангельск и во всех местностях, объявленных на военном положении¹⁷. Однако такого решения не последовало. Так как уличающих в каком-либо преступлении сведений добыто не было, последовало распоряжение начальнику губернского жандармского управления установить надзор за Бойтигамом и усилить внимание за его корреспонденцией¹⁸.

Несмотря на то что явных шпионов в пользу Германии полицией выявлено не было, их деятельность в Архангельске была, видимо, довольно активна, что показали события в Бакарице в 1916 г. 26 октября 1916 г. в Архангельск прибыл из Нью-Йорка пароход «Барон Дризен» «с грузом особого назначения» – взрывчаткой, бездымным и черным порохом, фугасными гранатами, детонаторными трубками для снарядов и баллонами с жидким хлором. В этот же день около 13 часов последовала серия взрывов, в результате которых пароход затонул, были уничтожены три причала, 27 барачков, 5 каменных зданий, пожарное депо, электростанция, казармы, склады, десятки жилых домов, несколько пакгаузов с грузами. По некоторым данным, погибли около 650 человек, ранено около 1000 человек [2]. При ликвидации последствий катастрофы личное мужество проявили многие сотрудники полиции. Приказом Губернатора объявлена благодарность сотрудникам полиции за самоотверженную работу после взрыва 26 октября 1916 г. в порту на Бакарице, за полный образцовый порядок в этот день в городе и уезде [1]. Для расследования взрыва в порту Бакарицы морским министром И.К. Григоровичем была назначена следственная ко-

¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 130.

¹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 131.

¹² ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 130.

¹³ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 130.

¹⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 131 об.

¹⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 131 об.

¹⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 130.

¹⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 135.

¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 136 об.

миссия под руководством адмирала Н.С. Маньковско-го. В период расследования комиссия приходила к выводу о совершенной диверсии. Работы по расследованию взрывов на Бакарице продолжались летом и осенью 1917 г., но не были доведены до конца в связи с решением советской власти прекратить деятельность всех органов Временного правительства.

Таким образом, полиция Архангельской губернии в период нарастания военной угрозы и Первой мировой войны включила в перечень своих видов деятельности целый спектр задач по обеспечению безопасности государства. Это касалось отслеживания ситуации на границе, в стратегически важных точках (порт, железные дороги), наблюдения за настроениями населения и деятельностью иностранных граждан на территории губернии.

Литература

1. Архангельск. – 1916. – 5 ноября – С. 3.
2. Архангельская областная летопись: (с древнейших времен до наших дней) / под ред. А.В. Репневского. – Архангельск, 2014. – 538 с.
3. Безнин, М.А. История полиции Вологодского края / М.А. Безнин, Р.П. Биланчук, Т.М. Димони, Е.Р. Дружинин, В.С. Жукова, С.Г. Карпов, А.Л. Кузьминых, В.П. Мясников, Л.С. Панов, В.А. Саблин, С.И. Старостин. – Вологда, 2018. – 864 с.
4. Варфоломеев, Ю.В. Проблема измены и шпионажа в годы Первой мировой войны: слухи, факты, расследования

(по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) / Ю.В. Варфоломеев // Современные евразийские исследования. – 2014. – Т. 3. – С. 17–24.

5. Вилинович, А. Антология шпионажа / А. Вилинович. – Челябинск, 2014. – 610 с.

6. Виноградов П.В. Архангельский и Владивостокский порты в годы Первой мировой войны / П.В. Виноградов // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 10. – С. 53–57.

7. Зверев, В.О. «Закон об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства»: от замысла к реальности (1911–1912) / В.О. Зверев // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 3 (40). – С. 20–26.

8. Зверев, В.О. Шпионаж немецких колонистов в России (1904–1914 гг.): вымысел или реальность? / В.О. Зверев // Новая и новейшая история. – 2015. – № 5. – С. 226–230.

9. Колебакина, Е.Ю. Архангельский купец Альберт Сурков / Е.Ю. Колебакина // Скандинавские чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 281–290.

10. Кудряшов, С. Немецкий шпионаж в России / С. Кудряшов // Родина. – 1993. – № 5/6. – С. 92–95.

11. Пулькин, М.В. Карельские приходы и панфинская пропаганда (1906–1914) / М.В. Пулькин // Исторические судьбы Беломорской Карелии. – Петрозаводск, 2000. – С. 26–36.

12. Статистический сборник за 1913–1917 гг. – Москва, 1922. – Вып 2. – 307 с.

T.M. Dimoni

PECULIARITIES OF POLICE ACTIVITIES IN ARKHANGELSK PROVINCE UNDER CONDITIONS OF MILITARY THREAT INCREASE AND DURING WORLD WAR I

The article describes the changes in the functions of the Arkhangelsk police in the pre-war period and during the war. Arkhangelsk Province was considered a specific one due to its border location and a seaport with a high density of freight traffic in military conditions. The police maintained law and order. Moreover, it had to keep an eye on foreign citizens' whereabouts and their activities in the province, to enforce prohibition against alcohol, to prevent panic.

Arkhangelsk Province, World War I, national security.